

- в) имеются ли пострадавшие, характер и степень причинённого их здоровью вреда;
- г) имеются ли погибшие, время и причины смерти;
- д) какие правила эксплуатации водного транспортного средства были нарушены;
- е) наличие причинно-следственной связи между этими нарушениями и наступившими последствиями.

В процессе доследственной проверки допустимо производство трёх следственных действий: осмотр места происшествия, осмотр трупа, освидетельствование. В ходе производства доследственной проверки по сообщениям о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации водного транспорта на практике нередко возникает необходимость производства экспертизы. Прежде всего, это связано с потребностью в определении причин повреждения судна. В противном случае затруднительно установить наличие оснований к возбуждению уголовного дела. В связи с этим, предлагается расширить перечень следственных действий, производство которых допустимо в ходе доследственной проверки, включив в него назначение и производство экспертизы [4].

На завершающем этапе доследственной проверки принимается решение о возбуждении уголовного, либо об отказе в этом. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных о признаках преступления. Кроме этого, уголовное дело не может быть возбуждено, если в ходе доследственной проверки будет установлено: отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; истечение сроков давности уголовного преследования; смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Такова самая общая характеристика процедуры производства доследственной проверки преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации водного транспорта.

Список литературы:

- [1] См.: Российская газета от 15 июля 2011 г. № 5529.
- [2] Безлепкин Б.Т. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. отв. ред. Петрухин И.Л /учебник 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Т.К. Велби, изд-во Проспект, 2007. С. 317.
- [3] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник. Отв. ред. П.А. Лупинская. 2 изд. Перераб. и дополн. Изд. Норма.: Инфа – М., 2011. С. 458.
- [4] В юридической литературе подобные предложения обосновывались неоднократно. См. напр.: Леонтьева Н.Л. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела. // Право и государство теория и практика. 2011. № 6. С. 131–134; Саушкин С.А. Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела. Российский следователь. 2005. № 9.

М.А. Табакова
ФБОУ ВПО «ВГАВТ»

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена исследованию содержания прокурорского уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса в контексте сравнительного правоведения.

Эволюция, как необходимый элемент диалектического процесса развития, представляет собой ничто иное как «развитие, процесс постепенного непрерывного коли-

чественного изменения кого или чего-нибудь, подготавливающий качественные изменения» [1].

В этом отношении значительный интерес представляет анализ полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве в свете последних изменений в законодательстве. Изменений, связанных с созданием нового самостоятельного правоохранительного органа – Следственного комитета Российской Федерации [2] и перераспределением процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа. Представляется, что данный анализ позволит ответить на вопрос о том, всегда ли количественные изменения приводят к изменениям качественным.

В связи с этим рассмотрим вначале тот объем полномочий, которыми обладал прокурор до выделения следственных органов из состава прокуратуры и внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ 2001 года «уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». В статье 23 названный УПК прямо возложил на прокурора обязанность осуществления уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного, частно-публичного, а в предусмотренных законом случаях и частного обвинения. Процессуальной формой осуществления этой деятельности в досудебном производстве, согласно ст. 31 Федерального закона «О прокуратуре РФ», действовавшей до 7 сентября 2007 года [3], выступало предварительное расследование преступлений. При этом прокурор был вправе как принять к своему производству, так и поручить расследование любого преступления дознавателю, следователю или нижестоящему прокурору.

Иными словами, в соответствии с дореформенным отечественным законодательством, прокурор мог осуществлять уголовное преследование либо непосредственно, приобретая для этого процессуальные полномочия следователя, либо опосредованно – через органы предварительного расследования, руководя их деятельностью. Следовательно, прокурор в досудебном производстве дореформенного уголовного процесса мог выступать в двух качествах: 1) как исполнитель уголовного преследования, 2) как руководитель уголовного преследования. С учетом этого и его полномочия рассматривались тогда в двух аспектах. Во-первых, это полномочия, непосредственно используемые прокурором при реализации функции уголовного преследования путем личного осуществления этой деятельности. Во-вторых, это полномочия связанные с руководством деятельностью органов предварительного расследования по осуществлению ими уголовного преследования.

Рассмотрим вначале первый вариант, когда прокурор, выступая в роли непосредственного исполнителя уголовного преследования, приобретал полномочия следователя с учетом особенностей своего процессуального положения. Совокупность действий прокурора в этом случае зависило от момента его вступления в уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие после поступления информации о преступлении.

Дореформенный уголовно-процессуальный закон устанавливал два следующих юридических факта [4], порождающих процессуальные правоотношения прокурора по осуществлению уголовного преследования: 1) получение информации о совершении преступления непосредственно прокурором; 2) поступление к прокурору постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенного уполномоченными законом должностными лицами после проверки сообщения о преступлении.

В первом случае, т.е. когда информация о совершенном преступлении поступала непосредственно к прокурору, у него, в соответствии с требованиями ст. 21 УПК РФ возникала обязанность принять меры по установлению события преступления, а в

дальнейшем и по изобличению лица, подозреваемого в совершении этого преступления.

При этом, исходя из анализа норм уголовно-процессуального и прокурорско-надзорного права, прокурор при проверке сообщения о преступлении был вправе: вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по факту совершения преступления; требовать от руководителей и должностных лиц, в подчинении которых находились пострадавший или лицо, подозреваемое в совершении преступления, предоставления необходимых документов, материалов; использовать иные полномочия, предоставленные законом.

Вторым юридическим фактом, вовлекавшим прокурора в уголовно-процессуальные отношения, являлся факт поступления к нему от следователя или дознавателя постановления о возбуждении уголовного дела с материалами проверки сообщения о преступлении (ст. 146 ч. 4 УПК РФ). В этом случае прокурор был уполномочен принять одно из трех решений: 1) дать согласие на возбуждение уголовного дела; 2) вынести постановление об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела; 3) вернуть материалы для дополнительной проверки. Принятие прокурором второго решения влекло прекращение дальнейшего уголовного преследования. При принятии первого или третьего решения процессуальная деятельность по установлению события преступления и лица его совершившего продолжалась.

Помня предмет нашего исследования, рассмотрим вариант, когда при положительном решении вопроса о возбуждении уголовного дела, прокурор принимал его к своему производству и непосредственно проводил предварительное расследование.

Выступая в роли непосредственного исполнителя уголовного преследования, прокурор приобретал полномочия следователя с учетом особенностей своего процессуального положения. Эта особенность заключалась в том, что прокурор-руководитель, осуществляя уголовное преследование, был самостоятелен в принятии решений о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением тех случаев, когда требуется судебное решение. В отличие от него другие субъекты уголовного преследования должны были согласовывать ряд своих действий и решений с надзирающими прокурорами.

Анализ норм дореформенного Уголовно-процессуального кодекса показывает, что в первом случае, когда прокурор выступал в качестве непосредственного исполнителя уголовного преследования в досудебном производстве, содержание данной его уголовно-процессуальной деятельности включало в себя совокупность следующих действий и решений:

- а) принятие сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и его проверка с целью установления данных, указывающих на признаки преступления (ст. 144 ч. 1 УПК РФ);
- б) возбуждение уголовного дела путем вынесения соответствующего постановления (ст. 146 ч. 1 УПК РФ) и принятие его к своему производству (ст. 37 ч. 2 п. 2 УПК РФ);
- в) производство следственных и иных процессуальных действий, направленных на изобличение лица в совершении преступления (ст. 21 ч. 2; 38 ч. 2 п. 3 УПК РФ);
- г) задержание лица по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии соответствующих оснований и мотивов (ст. 91 ч. 1 УПК РФ);
- д) привлечение лица в качестве обвиняемого, предъявление ему обвинения и допрос по предъявленному обвинению (ст. 171, 172 УПК РФ);
- е) избрание в отношении обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого) меры пресечения при наличии предусмотренных законом оснований (ст. 97, 100 УПК РФ);
- ж) применение к подозреваемому или обвиняемому иных мер процессуального принуждения (ст. 111 УПК РФ);

з) составление обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд для рассмотрения по существу (ст. 215, 221 УПК РФ).

Перечень данных полномочий составлял, по сути, содержание уголовного преследования, как уголовно-процессуальной деятельности прокурора, осуществляемой им непосредственно в ходе досудебного производства.

Второй аспект исследования содержания уголовного преследования, осуществляемого прокурором в досудебном производстве, связан с рассмотрением его в качестве руководителя уголовного преследования. Проблема эта не нова. Длительное время в правовой литературе в разной интерпретации рассматривался вопрос о выполнении прокурором в досудебных стадиях уголовного процесса функции процессуально-го руководства [5].

Не вдаваясь в детали этих дискуссий, отметим, что в современных условиях, когда уголовное преследование стало реальным правовым институтом уголовного судопроизводства, когда оно уже не «маскируется», применительно к досудебному производству, термином «расследование преступлений», следует признать, что понятия «руководство уголовным преследованием» и «процессуальное руководство расследованием» по своей сути тождественны.

Анализ норм уголовно-процессуального закона и приказов Генерального прокурора РФ позволяет определить, что в том случае, когда прокурор, не принимая уголовное дело к своему производству, выступал в досудебных стадиях уголовного процесса в роли руководителя уголовного преследования, содержание его уголовно-процессуальной деятельности включало следующие действия и решения:

а) поручение расследования возбужденного им уголовного дела дознавателю, следователю или нижестоящему прокурору (ст. 37 ч. 2 п. 2 УПК РФ);

б) дача письменных указаний о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий (ст. 37 ч. 2 п. 3 УПК РФ);

в) поручение органу дознания производства следственных действий и дача ему указаний о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 37 ч. 2 п. 11 УПК РФ);

г) дача согласия дознавателю, следователю на возбуждение уголовного дела, а также на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (ст. 37 ч. 2 п. 4, 5 УПК РФ);

д) участие в производстве предварительного расследования либо проведение лично отдельных следственных и иных процессуальных действий (ст. 37 ч. 2 п. 3 УПК РФ);

е) продление срока предварительного расследования (ст. 37 ч. 2 п. 12 УПК РФ);

ж) изъятие любого уголовного дела у органа дознания и передача его следователю; передача уголовного дела от одного органа предварительного расследования другому; изъятие любого уголовного дела у органа предварительного расследования и передача его следователю прокуратуры; передача уголовного дела от одного следователя прокуратуры другому с обязательным указанием оснований такой передачи (ст. 37 ч. 2 п. 8, 9 УПК РФ);

з) утверждение обвинительного заключения или обвинительного акта и направление уголовного дела в суд (ст. 37 ч. 2 п. 13 УПК РФ).

Данный приведенный перечень, на наш взгляд, определял, в соответствии с дореформенным УПК РФ, содержание уголовного преследования, опосредованно осуществляемого прокурором в ходе досудебного производства.

Ситуация коренным образом изменилась в связи с реформированием следственного аппарата органов российской прокуратуры и модернизацией предварительного расследования.

Начало этим переменам положил Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон о

прокуратуре Российской Федерации» [6] от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ. В результате создания в соответствии с данным законом Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации стал реальным замысел его разработчиков об отстранении прокурора от руководства предварительным следствием и лишении его полномочий по непосредственному осуществлению уголовного преследования.

В связи с внесением в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – закон о прокуратуре) изменений и дополнений, утратила силу статья 31, которая предоставляла прокурору право принимать к своему производству любое уголовное дело и проводить по нему расследование в полном объеме. Прокурор перестал быть исполнителем уголовного преследования. Многими учеными и практическими работниками данное нововведение было оценено положительно [7].

Одновременно, в результате проведенной реорганизации, многие полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия были переданы новому субъекту уголовного процесса – руководителю следственного органа. Лишение прокурора надзорных полномочий за проведением предварительного следствия вызвало определенное неприятие ряда авторов.

«Нельзя согласиться с существенным сокращением полномочий прокурора по надзору за исполнением законов органами предварительного следствия» [8], – пишут сотрудники НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации А.Г. Халиулин, Н.В. Буланова, Н.Ю. Решетова. Кроме того, они отмечают, что в соответствии со ст.ст. 21 и 37 УПК РФ прокурор обязан от имени государства осуществлять уголовное преследование, но лишен права принимать такие важнейшие, связанные с уголовным преследованием, решения, как возбуждение и прекращение уголовных дел. Это, по их мнению, не соответствует ни отечественным правовым традициям, ни зарубежной практике [9].

Последующая прокурорско-следственная практика по применению нового уголовно-процессуального закона показала, что отдельные меры по ограничению полномочий прокурора оказались не до конца продуманными. Вследствие этого, в декабре 2010 года [10] законодателем были внесены изменения в УПК РФ, направление на возвращение прокурору ряда прежних его полномочий.

В настоящее время прокурор для реализации функции уголовного преследования в ходе досудебного производства уполномочен:

1) инициировать начало уголовного преследования. Выносимое им постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании отнесен к числу поводов для возбуждения уголовного дела (ст. 140 ч. 1 п. 4 УПК РФ);

2) отменять решения следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 ч. 6 УПК РФ); о приостановлении предварительного следствия (ст.211 УПК РФ); о прекращении уголовного дела (214 УПК РФ);

3) утверждать обвинительное заключение или обвинительный акт и направлять уголовное дело в суд (ст. 37 ч. 2 п. 13 УПК РФ).

4) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков (ст. 37 ч. 2 п. 15 УПК РФ);

5) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (ст. 37 ч. 2 п. 4 УПК РФ).

Таким образом, в настоящее время возможности прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве существенно ограничены. Как видим, по действующему уголовно-процессуальному законодательству прокурор вправе только инициировать начало уголовного преследования, возобновлять уголов-

ное преследование и осуществлять процессуальное руководство проведением предварительного расследования в форме дознания.

Список литературы:

- [1] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Швецовой. – М.: Русс. яз., 1986. – С. 785.
- [2] См.: Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – ст. 15
- [3] См.: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета от 8 июня 2007 г. № 122.
- [4] Юридические факты, вызывающие возникновение, изменение и прекращение процессуальных правоотношений, именуется в правовой литературе процессуальными юридическими фактами. Более подробно об особенностях процессуальных юридических фактов см.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М.: Изд-во НОРМА, 2003. – С. 189–199.
- [5] См.: Альперт С.А. О процессуальных функциях прокурора в советском уголовном судопроизводстве //Проблемы социалистической законности. Вып. 10. – Харьков, 1982. – С. 94–101; Долгова А.И. Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 1969. – С. 6; Мирошниченко И.Я. Прокурор в стадии предварительного расследования уголовных дел //Вестник МГУ. Серия «Право». Вып. 2. 1973. – С. 36–47 и др.
- [6] См.: Российская газета. – 2007. – 8 июня.
- [7] См.: Королев Г.Н. Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: Монография: Книга вторая. Уголовное преследование. – Н. Новгород: Издательство ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2005; Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: Монография. – М: Издательство Юрлитинформ, 2006 и др.
- [8] См.: Халиулин А.Г., Буланова Н.В., Решетова Н.Ю. Полномочия прокурора в новых условиях уголовного судопроизводства. – Прокурор в уголовном судопроизводстве и проблемы обеспечения законности и обоснованности приговоров в новых условиях действия УПК РФ. Сборник трудов научно-практической конференции. Н. Новгород, 2008 г. – С. 24.
- [9] См.: Там же. С. 25.
- [10] См.: Федеральный закон от 28 декабря 2010 № 404 – ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствование деятельности органов предварительного следствия» // СЗ РФ. 2011. – № 15.